

БРОНИСЛАВ ГЕРЕМЕК
IN MEMORIAM

1932–2008

Юбер Ведрин

Памяти Бронислава Геремека

Сердце сжимается от боли, когда мне приходится писать о Брониславе Геремеке в прошедшем времени. Много лет назад я наблюдал издали с восхищением, как он вместе с «Солидарностью» во главе с Лехом Валенсой вел мужественную и опасную борьбу в Польше, которая тогда все еще оставалась коммунистической страной, подчиненной СССР. Понемногу мы начинали понимать значение этой борьбы. А потом мы восхищались им и той ролью, которую он сыграл на очередных этапах восстановления демократического строя в своей стране в восьмидесятые годы. Со временем я узнал его биографию, начиная с времен его жизни в гетто, о которой он не хотел говорить, и я проникся к этому человеку состраданием, симпатией и восхищением. Профессор Геремек как ученый и как оппозиционер пользовался во Франции большим уважением. Мы с ним встречались при различных обстоятельствах: на политических встречах и у наших общих друзей в Париже. Уже тогда он меня поразил, в первую очередь, совершенным знанием французского языка и, кроме того, светлой, сияющей харизмой. Геремек был чрезвычайно интеллигентный человек, щедрый, чуткий и душевный. Он был наделен даром общения с каждым и даром эмпатии, ни к кому не питал обиды. Вопреки всему он оставался идеалистом, стремясь создать замечательный образ будущей Европы.

Возможность познакомиться с ним ближе появилась тогда, когда мы в одно и то же время заняли пост министра иностранных дел и начали сотрудничать друг с другом. Я занимал

должность министра с июня 1997 г. по май 2002 г., он - с ноября 1997 г. до весны 2000 г. Я очень хорошо помню мое пребывание в Варшаве спустя три дня после его назначения на должность. Он был тогда очень счастлив, что первым гостем, пришедшим к нему с визитом, стал французский министр. Он был счастлив, растроган и выглядел несколько затерявшимся в здании министерства, которое недавно возглавил. Однако все время он руководствовался идеей создания демократической Европы, частью которой должна быть Польша, связанная крепкими узами дружбы с Францией. Во время пресс-конференции журналисты меня спрашивали: «Можете ли вы подтвердить великодушное обещание президента Ширака (который считал, что он должен повторить обещание, данное Гельмутом Колем) о том, что Польша войдет в Европейский союз в 2000 г.?». Я знал, что этот момент наступит... немного позже. Поэтому я ответил: «Это общая надежда Польши и Франции, а также стимул для участников переговоров». При этих словах Бронислав улыбнулся.

В дальнейшем мы с ним регулярно встречались на проводившихся двусторонних встречах или же в рамках Веймарского треугольника, полезного форума сотрудничества, основанного на несколько лет раньше по инициативе Х.-Д. Геншера и Р. Дюма с целью улучшения отношений между Германией, Польшей и Францией в рамках европейской общности. Мы многократно беседовали с Клаусом Кинкелем, а затем с Йошкой Фишером и с Брониславом на тему переговоров о вступлении в ЕС, будущего Европы, Косово, а также двустороннего сотрудничества.

Я был огорчен, когда Геремек был вынужден уйти в отставку из-за внутривнутриполитической обстановки, так как он мог бы принести очень много пользы своей родине. Спустя несколько лет абсурдным мне показался факт избрания Геремека на пост председателя Европейского парламента лишь по той причине, что две доминирующие политические силы – Европейская и Социалистическая народные партии – согла-

сились, чтобы их представители поочередно исполняли эту функцию.

Признаюсь, между нами существовали тонкие различия и даже расхождения во взглядах. Если были разногласия, то без личной вражды, они были обусловлены скорее польско-французскими различиями, которые легко объяснить, зная историю обеих стран.

Мы расходились во мнениях относительно значения членства в НАТО и отношений с Соединенными Штатами (это было еще задолго до выбора Николя Саркози на пост президента) или же тогда, когда Бронислав по просьбе Мадлен Олбрайт организовал в Варшаве учредительную конференцию Сообщества демократии. Я считал в то время – впрочем, поддерживаю свою позицию и сейчас, – что создание отдельной структуры, объединяющей демократические государства, несет в себе угрозу лишить ООН этой роли. И какие критерии отбора следовало бы в таком случае принять? Мало того, я сомневался тогда (это было до войны в Ираке), может ли демократия укорениться в один день, а тем более – возможно ли привнести ее извне. С одной стороны, будучи историком, Бронислав не отвергал моих сомнений; с другой же – занимая пост министра иностранных дел Польши, он надеялся, что этот проект, начатый совместно с Мадлен, закончится успешно. Оба они так настаивали на том, чтобы принять участие в этой встрече, что я согласился. Я изложил свою точку зрения, призывая обращать внимание на факты. Дискуссия по этому вопросу отнюдь не завершена.

Его концепция Европы, которую я считал слишком идеализированной, была основана на альтруистическом пути преодоления национальной действительности. Я, со своей стороны, уже тогда самым важным считал то, чтобы, формируя «федерацию национальных государств», не обесценивать понятной всем привязанности народов к своей идентичности и не предлагать им отречься от себя с целью сплавиться в общем котле, как этого требовали вульгаризированные профедералистские и проевропейские концепции, но собрать и сплотить

свои силы вокруг разработки конкретных проектов. Геремек жил и работал во Франции достаточно долгое время, и поэтому он понимал наше прагматическое отношение к России. Однако все время он сохранял польскую бдительность. Все эти различия обогащали наши беседы и позволяли намечать новые темы для обсуждения. В последние годы он был несчастлив не только из-за общей ориентации европейской политики у себя на родине – хотя по-прежнему он умно защищал ее, – но также в связи с протестом западноевропейских обществ, выраженном в проводившихся очередных референдумах. Этот протест Геремек считал проявлением непонятного и жалкого пужадизма¹.

Мы оба вместе с Мадлен Олбрайт, Йошкой Фишером, Робинотом Куком, а также, увы, с ныне тоже покойным Игорем Ивановым и несколькими другими коллегами были членами клуба бывших министров иностранных дел. Там мы постоянно вели бесконечные дружеские разговоры о ситуации в мире и наших надеждах на будущее. В марте 2008 г. в Копенгагене состоялась наша последняя встреча.

И вот он еще раз предстает перед моими глазами: человек редкого обаяния, отличающийся тонким интеллектом. Еще раз вижу его улыбчивый взгляд и курительную трубку. Еще раз вспоминаю его сопротивление любым формам тоталитаризма. Он воплощал в себе, пожалуй, в самой совершенной форме, демократическую, европейскую и современную Польшу. Его политическую и интеллектуальную миссию нельзя считать законченной. Нам всем будет очень его не хватать.

¹ Пьер Пужад (1920-2003) – французский политический деятель, основал «Союз по защите владельцев магазинов и ремесленников» (UDCA); лидер популистского движения, названного по его имени пужадизмом, которое критиковало парламентаризм Франции в период IV Республики и отстаивало интересы «маленького человека» перед государством и элитами (Прим. переводчика).

Анджей Олеховски

Польша едина. Польша единоголосна

Я любил профессора Геремека и имел удовольствие и привилегию много раз с ним встречаться. Поэтому мог бы написать интересное и яркое воспоминание об этом выдающемся человеке. Но боюсь, что воспоминания часто служат для того, чтобы рассказать о себе, а не о человеке, которого они формально касаются. Так, например, было с речами на похоронах Профессора. Хотя произнесли их, в частности, самые высокие представители государства, никто из них не попрощался с покойным от имени Республики, никто не говорил с позиции поста, который занимает. Все говорили от себя, лично, о своих чувствах и переживаниях. На самом деле говорили о себе. К сожалению, таково нынешнее понимание места и роли политика в государстве.

Поэтому я бы хотел вспомнить не столько профессора, сколько одну из его важных для Республики мыслей, идей. В конце концов именно социальным и государственным идеям он посвятил свою жизнь. Их было лишь несколько, но все – самые важные: свобода, демократия, возвращение Польши в Европу и в мир. В этих вопросах он был авторитетом. И не потому, что делал открытия или красиво формулировал мысли (хотя и это было), а потому, что их значение и ценность подтвердил действием, своей жизнью. Он принадлежал к тем едва лишь нескольким настоящим героям польской борьбы за суверенность, к тем, кто, указывая путь, сами идут по этому пути. Настоящим, а не виртуальным – последних у нас сотни. Он не только мечтал, говорил и полемизировал. Он энергично

и упорно действовал, рисковал, успешно достигая поставленных целей.

Одним из тезисов, упрямо повторяемых Брониславом Геремком, было значение внутреннего консенсуса для успешного достижения целей во внешней политике. Эта мысль появлялась почти в каждом его более-менее обширном высказывании на тему внешней политики. Наиболее красноречиво он выразил ее во втором экспозе в качестве министра иностранных дел: «Польша едина. Польша единогласна» (заседание сейма 8 апреля 1999 г.). Оценивая наши прошлые международные достижения, принцип «поиска внутреннего консенсуса» он признал одним из двух механизмов, «которые привели к реализации основных стратегических целей, начертанных на пороге возрожденной Польши после 1989 г.» (*Polska i świat*, Fundacja Batorego, Warszawa 2007, s. 16). «Без построения внутреннего консенсуса нам бы не удалось ни войти в Североатлантический союз, ни даже заявить о себе на международной политической арене» (*op. cit.*, s. 17).

Нет сомнений, что польская внешняя политика достигала самых больших успехов, когда была обеспечена политическим согласием. Можно ли из этого опыта извлечь вывод о том (и указание на будущее), что условием и необходимой частью успешной польской (ибо ведь в иных условиях это необязательно) внешней политики является достижение политического согласия? И, следовательно, что политика, проводимая в условиях несогласия, не может быть успешной? Это был бы вывод очень существенный, если учесть нынешние глубокие разногласия и барьеры между главными политическими силами.

Каждый творец или исполнитель внешней политики хотел бы, чтобы она получила статус государственного интереса – политики, свободной от личных и групповых интересов и давления, политики, которая имеет в виду исключительно благо государства, политики, которая это благо в конкретных условиях четко видит. Политики, основательно обсужденной в политической дискуссии и принятой в тщательном процессе

выработки демократического решения. Такую политику легче (и достойнее) исполнять. Однако может ли быть такая политика – в нынешних польских реалиях – эффективной?

Два аргумента, как представляется, говорят о том, что да, что Бронислав Геремек прав. Во-первых, лишь политика, которую поддерживают главные политические силы, приведет к тому, что вопрос (интерес), которого она касается, будет воспринят иностранными партнерами как важный, насущный, справедливый (*legitimate*). Из практики международных отношений мы знаем, как часто приходится решать, является ли вопрос, поднятый данным государством, насущным, заслуживает ли он нашего внимания и действия или возник в результате каких-то преходящих причин, следующих из временного доминирования одной политической силы. Это реальная дилемма дипломатов и политиков, особенно если политическая система данного государства еще молодая, не вполне окрепшая. Понимая эту дилемму, Бронислав Геремек и другие архитекторы польской внешней стратегии много сил отдали построению внутреннего консенсуса вокруг дела польского членства в НАТО и Европейском союзе. Чтобы показать, что в этом заключается истинный интерес Польши, что это не уйдет, не исчезнет вместе с уходом нынешнего или какого бы то ни было иного польского правительства. Отсутствие внутреннего согласия приводит к тому, что так труден ныне, например, путь Украины к членству в западных структурах. Внутренние разногласия также были истинной причиной жалобы польского министра на то, что иностранные партнеры «слушают нас, но не слышат». Бронислав Геремек прав в том, что без внутреннего согласия Польша еще не была бы сегодня ни членом НАТО, ни ЕС.

Во-вторых, лишь внешняя политика, имеющая поддержку главных политических сил, сделает страну демократическим партнером в важных международных мероприятиях. Такие мероприятия требуют, как правило, многолетнего участия (с более широкой перспективой, чем срок пребывания у власти одного правительства), активного и обеспеченного значительными средствами. Присоединение к такому мероприятию

правительства, даже полного энтузиазма и доброй воли, но одинокого в своей позиции среди политических сил и граждан, не будет воспринято серьезно. Оно не сможет вызвать к себе доверия, веры в способность справиться с принятыми на себя обязательствами (разве что это будет авторитарное правительство, лишённое реальной политической оппозиции). Об этом знают польские дипломаты, которые не раз переживали поражение внешних инициатив, предпринимаемых без необходимой политической подготовки у себя на родине. Прав Бронислав Геремек и тогда, когда утверждает, что без внутреннего консенсуса мы не могли бы заявить о себе на международной арене.

Поэтому консенсус был необходимым условием (а не только условием, способствующим этому) польских успехов во внешней политике. Констатировать этот факт должны не только те, кто хочет сохранить память о Брониславе Геремеке, но и каждый, кто желает добра Польше и ее внешней политике.

Заканчивая, вспомним о том, что консенсус 1994-2001 гг. состоялся не сам по себе, не чудом. Он был «эффективно выработан» – «согласие было достигнуто путем определенного политического процесса» (*op. cit.*, s. 18). В этом процессе роль Бронислава Геремека была ключевой. В качестве председателя самого крупного парламентского клуба, председателя комиссии по иностранным делам, наконец, как министра. В 1990-1993 гг., когда закладывался фундамент согласия, он был главным лицом в процессе принятия решений. В 1994-2001 гг. он был одним из ключевых исполнителей политического консенсуса, исполнителем, заботившимся о том, чтобы его закрепить: в своем третьем экспозе важнейшей целью для себя он объявил «достижение как можно более широкого согласия в польских действиях на международной арене» (заседание сейма 9 мая 2000 г.). После 2001 года, когда согласие дало трещину, а вскоре и совсем было разрушено, Бронислав Геремек находился уже вне главного течения процесса принятия решений. Поэтому он не несет никакой ответственности за падение польской внешней политики до жалкого уровня в 2007 году.

Сэр Малькольм Рифкинд

О Брониславе Геремеке

Профессора Геремека я встретил впервые в несколько необычных обстоятельствах. Мы познакомились за чашкой чая в Британском посольстве в Варшаве. Он был в то время одним из выдающихся членов «Солидарности», тогда организации нелегальной. Я был государственным секретарем *Foreign Office*. Эта встреча не принадлежала к разряду рядовых, в которых дипломаты и министры участвуют во время официальных визитов за границу.

Был 1984 год, а в Польше правил генерал Ярузельски и коммунисты. Ярузельски был так взбешен тем, что я встретился с Геремеком и двумя его товарищами, что отменил аудиенцию и обвинил меня в том, что я рассматриваю Польшу в качестве британской колонии. И по-своему он имел право вспылить. Тогдашней стратегией коммунистов был запрет на деятельность в пользу «Солидарности»: отказывая ей в легальности, ее хотели сделать незначительной и слабой организацией – как в Польше, так и в глазах международной общественности. Однако то, что это бы удалось, представляется спорным.

Перед выездом в Польшу я интересовался, поможет или навредит «Солидарности» прибытие британского министра на переговоры с польским правительством. Я получил от Геремека и «Солидарности» ответ, что этот визит для них желателен, но лишь в том случае, если, кроме встречи с польскими министрами, мы сможем настоять на встрече также с «Солидарностью», несмотря на объявление ее нелегальной. Я согласился, и благодаря всемирному вещанию Би-Би-Си факт встречи стал широко известен во всей Польше.

Моя встреча с Геремеком и его товарищами имела гораздо большие последствия, чем мне казалось. В то время я был лишь заместителем министра, но по стечению обстоятельств недель позже Варшаву должен был посетить западногерманский министр иностранных дел Ханс Дитрих Геншер. Он не собирался встречаться с нелегальной «Солидарностью», но из-за довольно широкой известности, которую получила моя встреча с Геремekom, изменил свои планы, и его встреча с ней также состоялась.

После всего этого Ярузельски и польское правительство должны были примириться с фактом, что, если они хотят поддерживать контакты с западными правительствами, частью платы за это будет включение в программу визитов представителей Запада встреч с «Солидарностью». Это один из факторов, которые привели к отмене запрета на деятельность «Солидарности», когда стало ясно, что стратегия коммунистов не привела к успеху.

Потом изменения происходили быстро. Когда я встретился с Брониславом Геремekom в британском посольстве, с ним были двое его товарищей – Тадеуш Мазовецки и Януш Оньшкевич, первый из которых стал первым некоммунистическим премьером, а второй – министром обороны.

Геремек же был назначен на должность министра иностранных дел Польши, и он исполнял свои обязанности достойно и довольно необычно. Я встречал его много раз и всегда был под глубоким впечатлением его способности соединять спокойную и мягкую позицию с большой решимостью и глубокой убежденностью.

В политике многих государств есть интеллектуалы, рождающие идеи, и политики, которые иногда используют возможности их реализации. Бронислав Геремек имел редкую способность исполнять обе роли.

Во время второй мировой войны Уинстон Черчилль пригласил лорда Бивербрука на должность министра авиационной промышленности в своем правительстве. Бивербрук вначале колебался, утверждая, что слишком занят описанием истории. «Описанием истории? – буркнул Черчилль. – Присоединяйтесь ко мне и помогайте делать историю!».

Профессор Геремек был историком, который также делал историю, а Польша и Европа лишь от этого выиграли.

Адам Даниэль Ротфельд

Бронислав Геремек – далекий и близкий

Через час после того, как в воскресенье, 13 июля 2008 года, радио и телевизионные станции всего мира сообщили о трагической аварии, в которой погиб Бронислав Геремек, журналисты обратились ко мне, чтобы я «по горячим следам» сказал о Профессоре несколько слов. Сделать это было нелегко. Я был не в состоянии собрать мысли и осознать все последствия этой потери. В последующие несколько недель появились сотни и тысячи воспоминаний, размышлений и оценок. У Профессора было множество близких и задушевных друзей среди сильных мира сего и среди простых людей. В Париже и Берлине, в Нью-Йорке и Брюсселе, в Страсбурге и на всех континентах. Ему удивлялись и его уважали в Вашингтоне и Ватикане, но также во Вسخове, где он начинал свое образование. Но его родным городом была Варшава, в которой он провел почти всю свою жизнь – годы счастливого детства и самого горького унижения, голода и бесприютности. Думаю, что здесь, в Варшаве, где на Его глазах по воле и приказу гитлеровского оккупанта гибли близкие и разваливался в прах мир всех ценностей европейской цивилизации, формировалась Его личность и – что может показаться парадоксальным – вера в людей и в то же время сомнение и беспокойство. Он был свидетелем того, что человек способен на великие, благородные и героические деяния, но также на низкие, позорные и преступные дела.

В первый и последний раз я говорил на эту тему с Профессором в мае 2008 года – за несколько недель до его

трагической смерти. Он тогда принял приглашение совместного ужина у меня дома – вдвоем. У меня сложилось впечатление, что у Него была потребность рассказать о годах своего детства. Предлогом для откровений Профессора было мое замечание о том, что исследователи, эксперты и политики по сути, как правило, в своих анализах игнорируют тот факт, что в поведении людей – в том числе лидеров национальных групп и целых обществ – существенную роль играют не только интересы и разделяемые ценности, но также элементы иррациональные, различного рода комплексы и предрассудки. Никогда не мог понять, сказал я, как случилось, что в центре Европы в XX веке произошло такое одичание не только выродившихся личностей, но и миллионами людей были отброшены все моральные и этические нормы. Ведь дело Уничтожения совершали не варварские племена, а военно-полицейские формации и институты одного из наиболее организованных государств мира. Гитлеровские преступления в Европе, украинские на Волыни и Подоле или сталинские на всем пространстве советского господства для меня являются познавательным барьером, который невозможно преодолеть. Это нельзя никак объяснить рационально. Можно, продолжал я свое размышление, объяснить явления политические, социальные, экономические. Но невозможно объяснить поведение миллионов людей, которые на протяжении тысячи лет – десятками поколений – воспитывались в уважении к христианским ценностям, учились отличать добро от зла, уважать принципы, которые, казалось бы, генетически закодированы в природе человека. Профессор помолчал минуту, а потом тихо сказал: «У меня такая проблема с раннего детства. Я не могу объяснить то, что видел собственными глазами, что испытал во время гитлеровской оккупации». И тогда впервые рассказал мне о родителях, дедушке и бабушке, о том, что перенес. Я был искренне взволнован этим рассказом. Такого Геремека я до этого не знал.

Здесь надо добавить, что мои отношения с Профессором невозможно назвать ни близостью, ни дружбой, ни даже про-

сто товариществом. Я услышал о Брониславе Геремеке впервые, пожалуй, осенью 1968 года, когда Он с группой выдающихся историков из Польской академии наук вернул партийный билет в знак протеста против интервенции войск Варшавского договора в Чехословакии. В конце семидесятых годов я слышал также о том, что Он участвует в оппозиционной деятельности Комитета защиты рабочих и Летучего университета. Но для меня, как и для миллионов поляков, Он превратился в публичную фигуру, когда вместе с Тадеушем Мазовецким осенью 1980 года стал советником Леха Валенсы. Самый важный период деятельности Профессора – это первые годы трансформации политического строя в Польше. Формально Он был председателем Комиссии по иностранным делам в новоизбранном сейме. Однако фактически играл такую роль в польской политической жизни, которой не играл ни до, ни после Него ни один из председателей этой комиссии.

Есть люди, о значении которых в общественной жизни свидетельствуют занимаемые ими должности. Профессор Геремек принадлежал к той немногочисленной группе интеллектуалов, которые своим согласием выполнять определенную функцию придают роду осуществляемой деятельности высокий статус.

Профессор оказал существенное влияние на формирование института демократического государства не своими речами, декларациями или распоряжениями, а путем подбора нужных людей. На каждом новом посту Он подбирал себе сотрудников так, чтобы они не столько приспособлялись к старым институтам, сколько изменяли их согласно Его философии толерантности, доверия и эффективности. Так, например, Он доверил руководство Канцелярией сейма профессору Рышарду Стемпловскому, который коренным образом изменил способ ее функционирования. Позже по рекомендации Профессора он стал послом в Великобритании, а затем создавал заново ранее распущенный Польский институт международных дел. А ассистент Профессора – ныне министр – Миколай Довгелевич осовременил работу Бюро Комитета европейской

интеграции – *УКІЕ*. Список достижений Профессора подобного рода обширен. В подборе людей Он руководствовался не идеологией, а тем более не партийной принадлежностью. Главным критерием была прогосударственная позиция, посвящение себя государственной службе. В наибольшей мере это нашло отражение в подборе сотрудников для Министерства иностранных дел.

Бронислав Геремек был не только авторитетом – Он был институтом. Всякий раз, принимая важное решение, касающееся профессиональной жизни, я обращался к Профессору за советом. Весной 1991 года Попечительский совет Стокгольмского международного института исследования проблем мира (*SIPRI*) предложил мне занять пост директора института. Хотя мою кандидатуру уже тогда единогласно поддержала коллегия научных сотрудников, я удержался от окончательного решения до того, как состоялась моя беседа с Профессором Б. Геремekom. Я рассматривал также другие возможности. Мы встретились в кабинете Профессора в сейме. Он спокойно обсудил со мной все варианты, и у меня сложилось впечатление (хотя говорили мы тогда впервые), что для него этот вопрос столь же важен, как и для меня. В конце беседы, отдавая дань вежливости, Он попросил меня поддерживать с ним связь. Я воспринял это всерьез. Всякий раз, когда происходили важные дискуссии по вопросам польской политики, я звонил из Стокгольма или встречался с Профессором в Варшаве.

В моей памяти запечатлелись две беседы. Первая – в 1998 г. – касалась польского председательствa в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. В стране, министр иностранных дел которой исполняет функции председателя ОБСЕ, как правило, происходит заседание Совета министров. Это означает приезд 56 министров иностранных дел и сопровождающих их многочисленных делегаций, переводчиков, журналистов. Всего около 1000 гостей. С этим связано приложение серьезных организационных усилий и большие материальные расходы. Председательство Профессора Геремека

было тогда дополнительно обременено чрезвычайной активностью ОБСЕ на Балканах, а в особенности поиском мирного решения по вопросу о Косово. Я робко предложил, чтобы, учитывая ограниченные финансовые и организационные возможности, польский председатель повел себя нестандартно: вместо того чтобы проводить Совет министров ОБСЕ в Варшаве, Профессор Геремек мог бы по собственному желанию пригласить на неформальную встречу группу самых выдающихся знатоков проблем европейской безопасности и поставить несколько основных вопросов, касающихся будущего ОБСЕ – ее роли и эффективности. Мы составили список 18-20 человек из Европы и Северной Америки. В ответ на приглашения, подписанные Профессором Геремеком, прибыли (что редко случается) все приглашенные. Потому что есть люди, которым невозможно отказать. Встреча, организованная поздней осенью 1998 г. в Константине под Варшавой, собрала интеллектуалов и исследователей с несомненным авторитетом. Она вошла в историю ОБСЕ как новая форма свободного обмена взглядами в процессе поиска оптимальных решений. Председательство Польши в этой организации было настоящим успехом министра Геремека – несмотря на то, что Он не организовал общепринятого заседания Совета министров. Это не было бы возможно без поддержки и участия многих людей, для которых сотрудничество с Профессором было честью и удовольствием. Я назову здесь двух людей, которые обеспечили польскому председательству в ОБСЕ высочайший уровень обслуживания: посла Ежи Новака, исполнявшего в то время в Вене функцию директора Председательства и шефа миссии Польской Республики при ОБСЕ, а также посла Петра Свитальского, опыт которого в работе Секретариата ОБСЕ и участие в подготовке симпозиума в Константине были высоко оценены Министром Геремеком.

Профессор был мыслителем. Он не страдал отсутствием собственных идей, концепций, инициатив. Однако – как и каждый руководитель большого учреждения – зависел от окружения: инфраструктуры министерства, работоспособности

сотрудников и – что важно – от воли и умения сотрудничать с другими государственными учреждениями. К сожалению, в этом вопросе не все обстояло гладко. Приведу пример. Еще до вступления Польши в НАТО на повестке дня встал вопрос о преобразовании Североатлантического совета сотрудничества (НАСС) во вновь созданный Евро-Атлантический совет партнерства (ЕАРС). Я позвонил из Стокгольма тогдашнему заместителю государственного секретаря МИДа Пшемиславу Грудзиньскому, чтобы он рассмотрел вопрос о выступлении Польши с инициативой учреждения штаб-квартиры ЕАРС в Варшаве. После консультации министра Грудзиньского с Профессором Геремеком я получил ответ, что вопрос нуждается в тщательной подготовке. Было бы лучше всего, если бы я мог непосредственно обсудить с Профессором принципы, цель и способ реализации этой инициативы. Министр Геремек не сомневался в том, что размещение нового учреждения Атлантического союза в Варшаве могло бы способствовать интенсификации наших отношений со всеми государствами, не принадлежащими к НАТО, а в особенности с восточными соседями Польши. На первом заседании ЕАРС в Люксембурге (1998) Профессор сообщил о готовности Польши в ближайшее время представить соответствующее формальное предложение. Однако эта инициатива так и не была реализована по очень прозаическим причинам. Идея могла быть воплощена в жизнь, если бы Польша передала в распоряжение ЕАРС одно из многих зданий, освобождаемых в то время Министерством национальной обороны. То, как использовать эти здания, решал министр внутренних дел и управления. На этой должности тогда пребывал Януш Томашевски, который предложил в качестве штаб-квартиры ЕАРС использовать... Модлинскую крепость. Это было несерьезно. В беседе со мной Профессор развел руками и, напоминая известный анекдот, растерянно сказал: «Теперь Вы сами видите, с кем мне приходится работать».

Личный авторитет Профессора Геремека был так высок, что во всех разнообразных учреждениях безопасности к министру

иностранных дел Польши относились с пиететом. Благодаря этому именно в Варшаве – в конце срока исполнения Им функций шефа польской дипломатии – произошло учредительное собрание новой организации под названием *Towards Community of Democracies (К сообществу демократии)* – с участием 108 министров иностранных дел из демократических государств мира. Это был конец мая 2000 года. Воплощение в жизнь этой польско-американской инициативы не было бы возможно без участия двух близких сотрудников Профессора: проф. Романа Кузьняра и посла Хенрыка Шляйфера. Они обеспечили самый высокий организационный и содержательный стандарт в подготовке этого собрания. Результатом было начало процесса, продолженного позднее на следующих встречах в Азии (Сеул), Южной Америке (Сантьяго-де-Чили) и в Африке (Бамако – Мали).

Профессор ушел с поста, но в вопросах польской внешней политики остался несомненным авторитетом и учреждением, состоящим из одного человека. Я иногда слышал мнение, что Геремек – «кабинетный игрок». Мой опыт был иным: ни в одной беседе со мной он не затрагивал персональных дел. Не было также даже тени политических игр. Из всех разговоров с Профессором я выносил твердую уверенность в том, что государственные вопросы были в Его размышлениях самыми важными. Преобладала мысль об интересах Польши, ее позиции в мире и забота о престиже нашей страны и уважении к ней.

Парадоксально, но после избрания Профессора в Европейский парламент и начала его работы в Брюсселе и Страсбурге наши контакты стали более частыми и интенсивными. Мне импонировало то, что Бронислав Геремек был способен почти интуитивно отделять важные вопросы от второстепенных. Это у политиков редкое свойство. Ибо, заботясь о своей позиции, публичные деятели часто углубляются в подробности и теряют из поля зрения суть вопроса. Бронислав Геремек не думал о формальной позиции, о должностях. У Него был концептуальный подход, Он воспринимал польские, европейские

и глобальные дела системно. Такое понимание мне очень нравилось. Было ощущение, что каждое Его выступление, реплика в дискуссии и обычная беседа расширяли мои горизонты. Это был всегда более глубокий и широкий подход. Текущие дела и события являлись в историческом контексте, и одновременно можно было предвидеть последствия принимаемых сегодня решений в далекой перспективе.

В наших отношениях была формальная дистанция, но в то же время существовали близость и доверие. Однажды – после ужина у меня – я провожал Профессора домой. Прощаясь, он предложил упростить форму наших отношений и перейти на «ты». Понимаю теперь, что и без этого Он был для меня близким человеком. Сегодня Он далеко, но по-прежнему очень близко.

Одно из стихотворений Збигнева Херберга (*Пан Когито ищет совета*) начинается словами:

*Столько книг словарей
толстые энциклопедии
но никто мне не даст совета (...)*

К сожалению, это правда: после ухода Бронека никто мне не даст совета.

Хавьер Солана

Воспоминания о Брониславе Геремек

Бронислав Геремек был необыкновенной личностью. Признанный ученый и выдающийся государственный деятель, истинный патриот Польши, одновременно считавший себя настоящим европейцем; для него была характерна высокая степень идейности и политической активности. Он трагически погиб в автомобильной катастрофе 13 июля 2008 г. Мировая научная и политическая общественность потеряла великого человека. Сегодня и Польша, и Европа оплакивают его смерть. Я потерял замечательного друга. Он был душой и разумом польского пути к свободе и демократии.

Бронислав Геремек был одним из тех видных европейских интеллектуалов, которые не только принимали участие в борьбе против гнета у себя на родине, но и активно включались в проведение трансформации политического строя и его решительного, мягкого и бескровного перехода от авторитарного коммунизма к открытому обществу и уважению прав человека.

Он был воплощением активного интеллектуала, защищающего человеческое достоинство и свободу, а также право каждого иметь собственные взгляды. Как он когда-то сказал: «Если бы я жил на Западе, то, по всей вероятности, я бы никогда не включился в политику, так как она является деятельностью по осуществлению власти. Однако здесь, в Польше, интеллектуал вынужден включиться в политику, ибо мы беремся за саму свободу думать». Во время наших мно-

гократных встреч мы беседовали в основном о европейской политике, однако к концу разговора часто появлялись вопросы, относящиеся к истории Европы, балканской драме или книгам нашего общего друга Хорхе Семпруна.

Понадобилась бы целая книга, чтобы описать достоверно раннее детство Бронислава, включая время пребывания в варшавском гетто, а также более поздний эпизод, когда он скрывался в польской деревне, или его научные достижения в области истории европейского средневековья в Польше, Франции и в других странах, или его роль в ранние восьмидесятые годы в создании великой коалиции рабочих и интеллектуалов, которая оказала сопротивление коммунистическому режиму и в итоге победила, или же его роль парламентского руководителя «Солидарности»/ «Демократического союза» (*Unia Demokratyczna*) на раннем, бурном этапе трансформации после конца коммунизма.

В то время началось мое знакомство с Брониславом, демократическим политиком. С годами наша дружба крепла и развивалась благодаря тому, что он играл роль видного европейского политического деятеля. Когда он стоял во главе Министерства иностранных дел, у нас с ним завязалось очень тесное сотрудничество. Он тогда весьма решительно стремился способствовать укоренению в Польше широких европейских и трансатлантических структур.

В марте 1999 г. мы с ним радовались вступлению Польши в НАТО. Это событие произошло как раз в то время, когда я занимал должность Генерального секретаря Североатлантического альянса. Я прекрасно помню, что он тогда сказал: «Польша навсегда вернулась туда, где она всегда была и должна быть – в свободном мире». Эти слова, произнесенные на специальном заседании Совета НАТО, обобщенно выражают его чувства и эмоции, связанные с этапом борьбы.

Это было также время, в которое Геремек пытался приблизить перспективу вступления Польши в Европейский союз. Правительство, в котором он занимал пост главы МИДа, оказалось одним из наиболее действенных и эффективных

польских правительств времен трансформации. Геремек страстно защищал интересы своей родины, при этом обладал способностью видеть ситуацию в более широкой перспективе.

Он изо всех сил работал над осуществлением европейского проекта. Его огромный вклад в реализацию этого замысла высоко оценил муниципалитет города Ахена, который присудил ему в 1998 г. премию Карла Великого. Кроме того, он собрал весьма внушительное количество наград: ему многократно присуждалось почетное звание почетного доктора, в частности, университетом в Болонии, Утрехте, парижской Сорбонной и Колумбийским университетом в Нью-Йорке.

Благодаря аналитическому складу ума, сочувственному отношению к страдающему человеку, а также нетерпеливому желанию изменять все то, что необходимо было изменить, он стал активным членом Комиссии ООН по вопросам безопасности народонаселения. Эта комиссия представила решающие доказательства в пользу того, почему необходимо принять международные действия с целью осуществления так называемой безопасности народонаселения, понимаемой как предоставление каждому свободы от нищеты и свободы от страха путем выработки единой политики.

Однако именно Европа - ее история, сущность и будущее - стали самой большой страстью его жизни. В своей речи, которая оказалась последней, произнесенной в Европейском парламенте, он сказал: «Я принадлежу к тем людям, которые глубоко верят в силу идеи и институтов Европейского союза».

Это - сентиментальность, она может показаться даже несколько старомодной. Но я полностью разделяю это чувство.

Бронислав был высоким интеллектуалом и одновременно скромным, задушевным человеком, отличающимся тонким чувством юмора и мягкой иронией. Он - человек, уцелевший в Холокосте, глава демократической оппозиции и необыкновенный политик «Солидарности». Он принадлежал к важнейшим акторам, участвовавшим в переговорах Круглого стола, которые открыли в Польше мирный путь от диктатуры к демократии. Я должен добавить, что он проявлял также

большой интерес к испанскому опыту мирного перехода к демократии.

Как человек компромисса (впрочем, это качество оценивается в Европе многими народами и традициями как достоинство), он утверждал, что сила его страны связана с силой Европейского союза.

Он был также одним из важнейших архитекторов интеграции в расширенной Европе.

Рышард Стемповски

Моя встреча с Геремеком

Этого поляка можно сравнить с самыми великими¹. На его памятнике я написал бы только одну фразу: «Одному из великих преобразователей системы от благодарных соотечественников».

Он был человеком многих культур. Выполнял различные общественные роли – ученого, политика, учителя... Используя свой незаурядный ум и глубокие знания для блага Польского Дела, он сохранил память о своих еврейских корнях. В биографии Бронислава Геремека и, наверное, в его сознании существовал трагический след холокоста, начиная с гетто во время немецкой оккупации.

Ему удалось вникнуть в различные культурные традиции. Он понимал поведение других, был принципиален, порой беспощаден и одновременно либерален. Он производил впечатление очень внимательного собеседника. Однако Геремек не выносил даже легкой фамильярности, что иногда ошибочно воспринималось как высокомерие.

Он постоянно боролся с противоречиями определенного рода. Как ученый руководствовался высокими идеалами и ценностями, но в своей роли политика стремился подчинить им политическую рациональность. А в ней наивысшей цен-

¹ Расширенная и уточненная версия воспоминаний, составленных по инициативе редактора журнала «*Przegląd Polski*» (приложения, освещающего вопросы культуры, к нью-йоркской газете «*Dziennik Polski*») и опубликованных в номере от 18 июля 2008 года.

ностью является власть, и именно с этим ему трудно было примириться. Особенно в сложных условиях изменения системы. Поэтому порой над ним брала верх другая сторона этого неравенства. Геремек в эту минуту одним мог казаться моралистом, а другим – оппортунистом. Его принципиальная позиция была однозначна, но не все ее сразу понимали. И если кто-то был не в состоянии его понять, то, естественно, не мог быть уверен, поднимается ли Геремек по лестнице или, может быть, скорее спускается по ней.

Те, кто знал его близко, не мог его не уважать, но его превосходства опасались многие. Бронислав Геремек хотел и мог быть уступчивым с сотрудниками, но – хотя сам был человеком с независимыми взглядами и незаурядным умом – независимость и интеллект другого проверял на лояльность и логику – именно так сформировался его собственный жизненный опыт, полный драматизма.

Я был одним из огромной массы людей, с которыми он столкнулся по роду своей деятельности. Не могу, однако, воспринимать его иначе, как на основе своего ограниченного опыта, своей ограниченной оценки этого государственного деятеля, возникшей в конкретном контексте, в определенном фрагменте действительности, сформированной под влиянием Геремека. Именно через опыт я попытаюсь доказать свою оценку. Иначе для читателя мои слова будут абстрактной декларацией.

Впервые мы разговорились осенью 1969 года в Институте истории Польской академии наук (ПАН). Я начинал свой путь в аспирантуре, а он был уже доктором наук. Мы занимались разными историческими периодами и редко пересекались в институте. Помню его на квартире Влодзимежа Бруса на аллее Независимости примерно в начале 1970 г. Мы обсуждали в небольшом кругу роль профессиональных и студенческих союзов на Западе. Геремек видел в профсоюзах потенциальную социальную базу для перемен. Когда я заметил, что три главных профсоюзных объединения в хорошо известной ему Франции охватывают только 40 процентов работающих,

он парировал: «Зато каких! Важны не стенографистки. Считать надо линотипистов». Многого можно было бы тогда об этом тезисе сказать, но в картину будущего переустройства общества с помощью профсоюзов мне верилось с трудом.

В конце сентября 1980 г. ситуация в стране была необычной, наши беседы тоже не были обычными. Геремек уже считался участником нового движения. Он сказал мне, что его беспокоит обсуждавшийся в Институте истории ПАН проект Профсоюза научных работников. «Если это не диверсия, то такой профсоюз мог бы со временем возникнуть». Он опасался акции, направленной против независимого профсоюза «Солидарность» в период готовившегося перехода научных работников из Польского союза учителей в «Солидарность». Самым важным для меня лично было его весьма таинственное утверждение: «Вы уезжаете, а мы думали над планом действий» - как-то так, точно уже не помню. Я ответил, что готов остаться в стране, на что Геремек сказал, что я должен ехать, поскольку моя поездка в Западную Германию на стипендию Фонда Гумбольдта «будет полезна в новой ситуации», потому что я получил эту стипендию «с улицы», самостоятельно обратившись в Фонд, а не благодаря поддержке польских правительственных организаций, так что моя «позиция с зарубежными собеседниками будет чиста». Я был разочарован, но у меня не было сколько-нибудь сильной мотивации к новому роду публичной деятельности, так как у меня была очень интересная исследовательская программа, я утешался намеком на эту «полезность». И, естественно, этот разговор начал череду дел и событий, которые после выборов 1989 г. закончились предложением Гражданского парламентского клуба (ГПК) выдвинуть мою кандидатуру на должность в публичной службе. Клубом руководил Бронислав Геремек, и это была его инициатива. Во время моего обсуждения на президиуме Клуба он не брал слова.

До того, как эта инициатива материализовалась, мы сотрудничали в соответствии с ранее опробованным методом. Осенью 1989 г. Геремек привел к тому, что я как член Пра-

вления Фонда им. Стефана Батория, возглавляемого Збигневом Буяком, был неформальным «представителем “Солидарности”» на будапештской конференции социал-демократических партий по вопросам разоружения. Геремек прочитал мой отчет и в разговоре со мной сформулировал свой прогноз развития ОБСЕ, который потом в основном сбылся. Речь шла о том, чтобы эта организация не стала для Польши суррогатом НАТО (об этом публично тогда не говорилось). Он предвидел институционализацию ОБСЕ и советскую «европейскую» активизацию. Когда в конце октября 1989 г. под председательством Януша Оньшкевича начались заседания Комиссии по иностранным делам ГПК (куда вошли депутаты верхней и нижней палаты парламента), я выступал с обзором на тему «Польша в мировой системе», но Геремек не коснулся сюжета НАТО или Европейского экономического сообщества, молча соглашаясь с моей формулой, что, даже если дело дойдет до роспуска Варшавского договора, НАТО роспуску не подвергнется. Тезис о целесообразности одновременного роспуска настойчиво пропагандировался Москвой. Председатель ГПК и председатель Комиссии по иностранным делам сейма избегал обострения публичной дискуссии и не хотел раздражать все еще доминирующего соседа. Однако он не рассматривал Варшавский договор и НАТО как явления одного порядка. Мало у кого было такое чувство тактики.

Геремек как председатель ГПК и Комиссии по иностранным делам понимал необходимость реформирования МИДа и стремился стимулировать эту реформу путем укомплектования штатов новыми работниками. Я должен был быть одним из них. Геремек утвердил мою концепцию реформы. Осенью 1989 г. он направил министру Кшиштофу Скубишевскому памятную записку, но беседа у министра показала, что, хотя он и согласен в основном с моей концепцией реформы МИДа, предпочел бы видеть меня в дипломатическом представительстве, а не в центре принятия решений. К проектам Геремека Скубишевский подходил со сдержанностью. А ведь в ГПК родились проекты, касающиеся всех основных институтов, в

том числе и спецслужб. Ведь именно под влиянием Геремека тогдашний замминистра и будущий министр внутренних дел Кшиштоф Козловский разговаривал со мной в январе 1990 г. в резиденции ГПК в сейме о возможном сотрудничестве в этой области. Однако закона об Управлении охраны государства (UOP) еще не было, а время шло, и кончилось тем, что по инициативе ГПК (снова Геремек) Президиум сейма выдвинул меня на должность шефа Канцелярии сейма. По действовавшей тогда Конституции сейм был высшим органом государственной власти. Роль Гражданского парламентского клуба и лично Геремека была решающей. С июня 1990 г. до декабря 1993 г. я работал с ним в качестве председателя парламентского клуба ГПК (затем Парламентского клуба Демократического союза) и одновременно председателем Комиссии по иностранным делам, помогая сейму перейти от одного государственного строя к другому. Совместная работа складывалась образцово. Я думаю, что за моей реформой Канцелярии сейма и в целом за ее деятельностью он наблюдал очень внимательно, но только раз высказался по этому поводу, впрочем, с одобрением. Однако это сотрудничество закончилось после выборов 1993 г., которые выиграли Союз левых сил (SLD) и Польская крестьянская партия (PSL), и избрания на пост маршала сейма Юзефа Олексы. Мне пришлось подать в отставку. Геремек тотчас пригласил меня на прощальную встречу с Президиумом Парламентского клуба Демократического союза. Я хорошо запомнил этот жест, потому что это было первой и единственной публичной благодарностью со стороны депутатов за мою работу для сейма.

Некоторые думают, что высокая эффективность политика на руководящем посту достигается путем выстраивания отношений доминирования и зависимости, даже клиентелизма. Нам же «хватило» согласия – давно очевидного и не требующего новых согласований – согласия в понимании стратегических целей переустройства общества, знания общих парламентских принципов, а также того факта, что нам не нужно было много разговоров и слов, чтобы понять друг друга.

«Вы умеете друг с другом разговаривать», - сказала мне его бесценная, знающая всех и умеющая все организовать ассистентка Мария де Россе-Борейша.

Мы не были с Геремекем друзьями в смысле близких отношений; мы были союзниками в хорошем – Великом – деле, и этого нам в сущности хватило. Как председатель ГПК (а эта должность в 1989-1991 гг. относилась к числу нескольких самых важных в государстве) Геремек стремился прежде всего достичь принципиального, а не формального взаимопонимания, все остальное решая по обстоятельствам. Только раз наши мнения значительно разошлись, когда Президиум ГПК – и лично Геремек – добивались от меня, чтобы я покупал для сейма только «польские» автомобили марки «Полонез». Это было тогда, когда премьер-министр Вальдемар Павляк демонстративно начал ездить на «Полонезе», к тому же готовился и маршал сейма Олексы. С предложениями Олексы и Геремека я не мог согласиться, ведь в конечном счете именно я отвечал за надежность обслуживания депутатов сейма и целесообразность расходов, а покупка «Полонезов» была бы, по моему глубокому убеждению, риском и расточительством. Должен сказать, что популизм тогдашних правящих партий в исполнении Геремека меня вначале поразил. Ведь Геремек сам не мог поверить ни во что подобное! Я считал это тактическим и пропагандистским шагом. И действительно, один раз подняв этот вопрос, Геремек этим и ограничился. Представители партий *PSL* и *SLD* тоже отказались от своих «Полонезов».

После выборов 1997 г. Геремек стал министром иностранных дел. Меня еще весной 1994 г. президент Лех Валенса по представлению тогдашнего министра иностранных дел Анджея Олеховского назначил послом Польши в Лондоне. Однако мне не удалось достичь с Геремекем как новым министром полного согласия, так как у него была иная, чем у меня, иерархия важности иностранных партнеров. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии для него было на втором плане. Геремек переживал по поводу натянутых отношений между Францией и США, особенно со

времен своего долгого и политически обременительного пребывания в вашингтонском *Wilson Center for Scholars* (1978). Я должен был подчиниться. Ведь посол получает инструкции от министра иностранных дел. Он не может заниматься частной дипломатией. С осени 1997 г. вступила в силу новая конституция, в ее 146 статье говорится: «Совет Министров проводит внутреннюю и внешнюю политику». Президент в этом вопросе отходил на задний план. Геремек уважал компетентность и прерогативу в проведении внешней политики Президента Республики, но вынужден был руководствоваться нормами конституции, участником создания которой он был. Руководствоваться конституцией он требовал и от послов.

Бронислав Геремек был сторонником открытия в Варшаве «европейского» университета. Джордж Сорос согласился дать для начала 50 млн. долларов. Город должен был выделить участок. Весной 1998 г. Геремек позвонил мне в Лондон и спросил, хочу ли я участвовать в этом проекте. Я согласился без колебаний. И не только потому, что моя миссия в Лондоне приближалась к концу. Через несколько дней в Варшаве мы уже обсуждали основы проекта. Это было очень приятно – создавать вместе с Геремеким европейский университет. Однако, когда мы начали это обсуждать, у нас появились разногласия. Геремек хотел, чтобы университет располагался как можно ближе к центру, не дальше Мокотовского поля, возможно, на набережной Вислы, в худшем случае – около конькобежного центра на Стегнах. Я был за размещение университета за Виляновскими полями. Геремек считал, что это слишком далеко от библиотек, но я чувствовал, что он хочет построить будущий университет по модели первого университета – в Болонье. Аргументируя свое предложение, я выдумывал фантастические проекты – говорил, что можно создать электронную библиотеку. Через год оказалось, что строительство должен осуществлять фонд, в котором будут заседать профессора во главе с выдающимся историком из Варшавского университета. Я спонтанно среагировал: «...И их количество должно быть, конечно же, *ein Hundert*». Я был

уверен, что Геремек знает также более радикальную версию высказывания Бисмарка. Вскоре, однако, оказалось, что городские власти вообще не хотят выделять участка, стремясь торпедировать проект. Сколько же мы потеряли как общество, не поддержав начинания Геремека! Но это приглашение с его стороны ценю очень высоко.

Возвратившись из Лондона, я принял участие в конкурсе на должность директора-организатора нового Польского института международных дел (*PISM*). Премьер Ежи Бузек выбрал меня, прислушавшись к мнению тогдашнего министра иностранных дел Геремека. Это мнение имело решающее значение. Однако у Геремека не было времени, да и особого интереса к институту. Более того, он слишком полагался на своих чиновников, среди которых не было недостатка в людях, действовавших по правилам, сложившимся еще при коммунистах. Поэтому новый устав Польского института международных дел как следует не выполнялся. Вот лишь один из многих примеров. Министр написал на документе: «Прошу принять к сведению, что Варецка [речь шла о здании института] - это *acqui PISM*». А руководители министерства это игнорировали, оттягивая создание Института. Они хотели подчинить новый институт министру (а фактически – себе), как прежний Институт в коммунистической Польше, вопреки новому уставу. И лишь когда я поставил вопрос ребром, Геремек признал мою правоту. Это тоже многое о нем говорит. Тот, у кого были веские аргументы, мог на него рассчитывать. Он умел слушать и поступал справедливо. Не каждый из его преемников так реагировал.

В качестве партийного лидера Геремек потерпел фиаско. Ему также не удалось сформировать правительство, так как он не поменял тактику деятельности после выборов 1989 г., хотя условия изменились. Его отношение вытекало, скорее, из подпольного опыта, из убеждения в том, насколько важна личная лояльность, из уверенности в решающей ценности проверки, которой эта группа подверглась перед 1989 годом. Он был уверен, что связывающим звеном должно быть собственно

единогласное принятие всеми общих принципов, что все решает общность опыта, сумма ценностей самых близких к нему участников оппозиции, а поэтому полагал, что к нему прислушаются и его поддержат. Однако этого не хватило в деятельности, требующей более крупных масштабов, по отношению к более дифференцированной общности. И ставка изменилась. Геремек, подобно большинству интеллектуалов-архитекторов общественных перемен, думал в категориях группы, скорее идеологически однородной и замкнутой. Геремек и большинство людей его склада не могли в достаточной мере открыться для других. Действительно, принимая одних, они отталкивали других. Это приводило к возникновению групп, ставивших под вопрос вклад Геремека и даже всей элиты III Республики, – под лозунгом, отвергавшим монополию «моральных авторитетов». Однажды, еще во времена ГПК, я сказал Геремеку: «Люди нас боятся». Мы говорили о реформах государственного строя. Геремек не принял это слишком близко к сердцу. Он считал, что, если даже это «в какой-то мере правда, от которой никуда не денешься», все это изменится под влиянием благотворных результатов реформ. Он был идеалистом. Я был еще более наивен, и, если бы мне кто-то сказал, что через несколько лет у нас в Польше возникнет такая политическая борьба, свидетелями которой мы недавно оказались, я бы, наверное, посчитал, что это говорит какой-нибудь диверсант, пессимист, который хочет погасить мой энтузиазм. Мы все были немножко «наивными идеалистами, но, если бы таких людей после 1968 г. не было, если бы нам не хватило энтузиазма, где была бы сегодня Польша?

Трудно, однако, усмотреть наивность в стремлении Геремека к переговорам Круглого стола и – еще труднее – в принятии всех его результатов. Геремек был одним из главных участников переговоров, может быть самым важным. Он руководил переговорами со стороны «Солидарности» за «политическим столиком», тогда как ПОРП в качестве сопредседателя представлял член Политбюро профессор Януш Рейковски, с

которым он, между прочим, учился в одной школе. История Круглого стола ждет своих исследователей. И публикации очередных источников. Я бы, например, с удовольствием узнал подробности разговора Геремека со Станиславом Чесексом в саду бывшей резиденции Герека в предместье Варшавы Клярысев.

Геремеку не раз предлагали профессорские должности за рубежом. Мой давний знакомый латиноамериканист профессор Руггеро Романо просил меня – если мне не изменяет память – в Берне, во время Международного конгресса по экономической истории (в августе 1986 г.), чтобы я передал Геремеку подробности одного из предложений. Я тогда сказал, что, по моему мнению, Геремек не может эмигрировать, если не хочет перечеркнуть свою жизнь. Когда потом в коридоре в Институте истории ПАН, сидя в нише стены напротив его кабинета на втором этаже, я пересказал ему этот разговор, несмотря на упорно прогуливавшегося около нас «административного работника», он рассказал мне о других проектах такого рода. Было очевидно, что он не эмигрирует. Мы понимали друг друга прекрасно.

Он почти никогда не говорил об антисемитизме, во всяком случае, в моем присутствии. Эта тема возникала лишь несколько раз. Как-то осенью 1990 г. дама-депутат от ГПК высказалась в его присутствии, что послом в столице великого государства до сих пор является «мартовский хунвейбин». На это Геремек своим хорошо знакомым сдавленным голосом, снисходительно растягивая слова и махнув рукой, сказал: «Ну, да, конечно, но давайте успокоимся. У нас есть дела поважнее». Чуть позже мы обсуждали проект закона о национальных меньшинствах и о постоянно муссируемом одним из депутатов тезисе по поводу «гостей в Польше». Геремек тогда заявил: «Евреи – это не национальное меньшинство». Тогда не оказалось времени, чтобы прояснить этот вопрос, а потом не было случая. В другой раз разговор зашел об антисемитских высказываниях по поводу одного из кандидатов на важный пост. Я спросил его: «Этот кандидат еврейского происхо-

ждения?». Геремек парировал: «Так считает Костел». Я снова: «Но ведь он считает себя поляком, а в типичных ситуациях сомнения решает субъективный фактор, не так ли?» Геремек выразил свое согласие, но, скорее, жестом, а не словом. Он разбирался в этих вопросах лучше меня и, наверное, больше понимал все сложности.

Многое Геремек делал в стиле, который уже уходит в историю. Я абсолютно уверен, что он понимал все возрастающее значение СМИ, лоббистов, визажистов, политтехнологов, телевидения, тусовок в среде моделей, футболистов, актеров, журналистов. Когда в 1988 г. по приглашению главного редактора ежегодника Института истории ПАН «*Estudios Latinoamericanos*» он участвовал в беседе-интервью с его шефом профессором Марианом Маловистом, то сказал: «Информация – это власть». Более того, когда он уже заседал в сейме и к нему приходило понимание этого нового у нас тренда *public relations*, Геремек упорно придерживался мнения, что он лучше справится со своей задачей без этой «технологии». Это было скорее интуитивным, чем продуманным решением. Оно сочеталось также с упомянутой самоизоляцией группы выдающихся личностей, находившихся в оппозиции еще до 1989 г. Многие интеллектуалы считают, что если они правы, то все остальное – люди и проблемы – должно к этой правоте приспособиться и подчиниться. Это не что иное, как «просветительская» рациональность идеалиста, в то время как политическая рациональность реалиста предписывает делать то, что способствует удержанию власти. Геремек часто довольствовался властной позицией, полученной от достижения превосходства над аргументами оппонента, а не властной позицией в смысле использования принуждения с высоты своего руководящего поста в государстве. Ему было важно переубедить других, а не заставлять людей соглашаться с тем, что спущено «сверху», то есть копировать то, что он отверг в 1968 г., порывая с государственным социализмом ПОРП. Будущее Польши он видел иначе. Этот опыт разрыва с прошлым, а также мечты о будущем вступлении Польши в НАТО и в единую Европу нас

Польский институт международных дел

тесно связали, хотя я был только одним из третьеразрядных его помощников. И как жаль, что его талант предвидения подвел его в тот несчастный день. Ведь он был еще очень нужен Польше. Мы его никогда не забудем.

Борис Тарасюк

**Бронислав Геремек –
друг многих из нас**

13 июля 2008 года безвременно ушел из жизни наш коллега и друг, незаурядный государственный и общественный деятель, известный ученый, борец за демократию, великий сын своей Страны – профессор Бронислав Геремек.

В этот день не только Польша понесла огромную утрату. Боль и грусть ощутили тысячи людей во всем мире, которые знали, уважали и ценили Бронислава Геремека. Печаль и скорбь охватили наши сердца...

Патриот своей страны, борец за человеческое достоинство и проповедник вечных, фундаментальных ценностей, легендарная фигура сопротивления коммунистическому режиму Польши, член профсоюза «Солидарность», выдающийся ученый и – в первую очередь – друг многих из нас.

Я хорошо помню 1998-2000 годы, когда мы с Брониславом Геремekom, будучи коллегами, вместе работали над углублением украино-польских отношений. В 1997-2000 годы Геремек был министром иностранных дел Польши. В это время, в 1998 году, он возглавлял ОБСЕ, и в период его председательствa, в 1999 г., Польша вступила в НАТО, и именно Бронислав Геремек подписал документ об этом вступлении.

Он был знатоком Центрально-Восточной Европы, прекрасно относился к Украине и приложил немало усилий для

углубления сотрудничества между нашими странами и достижения двустороннего соглашения.

Я вспоминаю июнь 2000 года. Варшава. Очень жаркий летний день. Вместе с хозяином, министром Брониславом Геремеком, и тогдашним Государственным секретарем США Мадлен Олбрайт мы стоим на поляне рядом с конференц-залом и смотрим вверх, где над нашими головами большой транспортный самолет развевает за собой широкую ленту-транспарант с надписью: «*Community of Democracies. Warsaw-2000*».

В этот день высокие представители из более чем 100 стран собрались в польской столице для проведения учредительного заседания Сообщества демократий. Параллельно с этим межправительственным собранием проходил форум неправительственных организаций. Рождение этого международного демократического альянса оставило глубокий след в современной истории, объединяя народы в их стремлении строить мир на фундаментальных принципах главенства прав человека, свободы слова, верховенства закона. В регионе Центральной и Восточной Европы и Кавказа процесс становления Сообщества демократий дал начало зарождению Организации за демократическое развитие (ОДЕР), как трансформированного ГУАМ, способствовал утверждению демократических ценностей в Балто-Черноморском пространстве. В конце концов опосредованно заложенные в Варшаве демократические основы способствовали и свержению авторитарного режима на Украине, предвосхищая Оранжевую революцию.

А главным инициатором проекта Сообщества демократий был как раз мой друг Бронислав Геремек – человек, который умел мыслить стратегически, видеть перспективу развития мировых процессов, предвидеть и опережать свое время. Думаю, что лучшим подарком и эпитафией для Бронислава Геремека станет его бессмертное дело утверждения демократических идеалов в мире, гармонического и мирного развития человечества.

Помню и его слова, сказанные 29 марта 1999 года, во время зарождения нашей общей инициативы – новой формы сотрудничества – постоянной польско-украинской конференции по вопросам европейской интеграции: «Польша не хочет, чтобы после ее вступления в ЕС стена с западной границы была перенесена на восточную», – сказал тогда министр Геремек. А Конференция и сегодня является основным форумом для диалога между Украиной и Польшей по вопросам европейской интеграции. Ее заседания проходят ежегодно на уровне заместителей министров иностранных дел.

Не без усилий Бронислава Геремека происходило углубление сотрудничества Польши с США и Британией и актуализировались отношения этих стран с Украиной.

Однако и восточное направление сотрудничества не оставались вне сферы его внимания. Активное сотрудничество и консультации проводились в этот период с форумом ГУАМ. Он чрезвычайно был озабочен судьбой проекта Одесса-Броды-Гданьск и прилагал немало усилий для его внедрения в жизнь. Можно даже сказать, что вопрос энергетической безопасности был для него вопросом укрепления независимости или подконтрольности наших государств.

Бронислав Геремек был не просто «партнером» Украины, он любил ее, он верил в ее потенциал и считал граждан Украины и Польши братьями. Он разделял наше стремление к демократическому пути развития, нашу преданность правде и свободе...

Нам будет его не хватать больше, чем друга. Нам будет не хватать его как побратима, как родного...

И сегодня моя скорбь и сочувствие адресованы не только тем, кто был лично знаком с Брониславом Геремеком, а в большей мере тем, кто не успел на жизненном пути встретиться с этой незаурядной личностью.

Польский институт международных дел

Ведь тепло воспоминаний о Брониславе Геремеке будет согревать наши души и заполнять пустоту утраты. Его уже нет с нами, но свет его дружбы будет с нами вечно.

Влодзимеж Цимошевич

Воспоминания

У Бронислава Геремека в жизни было много увлечений. Одним из них была международная политика. Будучи многолетним председателем Комиссии по иностранным делам сейма, Он много раз демонстрировал прекрасное знание этой проблематики. Справедливо вспоминают также Его достижения в качестве шефа польской дипломатии. В большой мере благодаря Его деятельности и авторитету ратификация договоров с государствами, вступающими в НАТО, прошла без серьезных проблем.

Есть еще несколько других областей, в которых Бронислав Геремек оставил свой отчетливый след. Одной из них был так называемый контрактный сейм и начало процесса политической и экономической трансформации Польши после выборов 1989 г. Как председатель Гражданского парламентского клуба, Бронислав Геремек сыграл выдающуюся роль в этот трудный, полный риска и угроз, но также шансов и надежд период. Он знал, что нужно делать, и у Него было достаточно много энергии и решимости, чтобы гарантировать, что все необходимое будет сделано.

Смена политического строя, фундаментальная экономическая реформа, создание территориального самоуправления, переориентация польской внешней политики и заключение хороших отношений с соседями в переживающей эйфорический шок «осени народов» Центральной и Восточной Европе – все это было гигантским вызовом, справиться с которым могли немногие. Бронислав Геремек был в их числе.

